

СЕСТРЫ

На этот раз надежды для него не было: уже третий удар. Каждый вечер я проходил мимо дома (было время каникул), изучал освещенный квадрат окна — и находил из вечера в вечер, что он светится как всегда, тихим и ровным светом. Если бы он умер, думал я, то штора была бы темней и я бы заметил отсветы свечек, ведь в изголовье покойника полагается ставить две свечки. Он говорил мне не раз: «Я уж теперь не от сего мира»¹, но я считал, это пустые слова. Теперь я знал, что это была правда. Каждый вечер, оглядывая окно, я тихо повторял про себя слово паралич. Для меня оно звучало всегда странно, как слово гномон в геометрии Евклида и слово симония в катехизисе. Но сейчас оно стало звучать для меня как имя какого-то зловредного и греховного существа. Оно вызывало у меня страх, но вопреки страху меня тянуло приблизиться к нему и увидеть его смертоносную работу.

Старый Коттер сидел у камина и курил, когда я спустился к ужину. Пока тетя мне накладывала

¹ Парафраз Ин. 8: 23.

болтушку, он сказал, как бы возвращаясь к какому-то своему прежнему замечанию:

— Да нет, я б не сказал, что он так уж... но было что-то такое странное... что-то тревожное в нем. Я вот что про это думаю...

Он принялся продувать свою трубку, несомненно решая, что же он думает. Занудный старый осел! В первое время знакомства он казался поинтересней, рассказывал про всякие вредные виды спиртов, про их коварные действия, но скоро и он, и его бесконечные винокурные темы мне надоели.

— У меня тут своя теория, — сказал он. — Я думаю, тут один из таких... особых случаев... Но трудно точно сказать...

Он снова принялся продувать трубку, так и не сообщив теории. Дядя увидел, как я весь напрягся, и сказал мне:

— Что же, печальная весть для тебя, твой старый друг нас покинул.

— Кто? — сказал я.

— Отец Флинн.

— Он умер?

— Мистер Коттер только что нам сказал. Он шел мимо их дома.

Я знал, что за мной наблюдают, и поэтому продолжал есть, как будто бы новость меня не заинтересовала. Дядя пояснил Коттеру:

— Паренек наш очень дружил с ним. Старик его, понимаете, многому научил и очень был, говорят, привязан к нему.

— Помилуй, Господи, его душу, — произнесла тетья набожно.

Старый Коттер посмотрел на меня долгим взглядом. Я чувствовал, как его черные глазки-бусинки

меня буравили, но не поддался ему и не поднял своих глаз от тарелки. Он снова занялся трубкой и после паузы грубо сплюнул в камин. Потом сказал:

— Мне это не было бы по нраву, если бы мои дети водили дружбу с таким, как он.

— Вы это про что, мистер Коттер? — спросила тетя.

— Я это про то, — сказал старый Коттер, — что для детей это вредно. Я так считаю: пускай малец себе бегает да водится с другими мальцами, вместо того чтобы... Что, я не прав, Джек?

— И я так думаю, — согласился дядя. — Пусть выучится сам за собой смотреть. Что я всегда и говорю этому розенкрейцеру: займись спортом. Почему я, спрашивается, когда был сопляк, так я каждое божье утро, зимой и летом, делал холодные обливания. Вот что и сейчас меня держит. Образование — это все хорошо и замечательно... Надо бы мистеру Коттеру предложить кусочек той бараньей ноги, — добавил он, обращаясь к тете.

— Нет-нет, ради меня не беспокойтесь, — запротестовал Коттер.

Тетя принесла блюдо из кладовки и поставила на стол.

— И почему ж вы считаете, мистер Коттер, оно нехорошо для детей? — спросила она.

— Это вредно для детей, — сказал старый Коттер, — потому что у них такой впечатлительный разум. Когда дети видят такие вещи, это на них действует...

Я набил рот болтушкой, боясь, что не выдержу и мой гнев вырвется наружу. Занудный старый красноносый идиот!

Было совсем поздно, когда я заснул. Хотя меня и сердило, что старый Коттер как бы причислил ме-

ня к детям, я ломал голову, стараясь понять смысл его обрывочных фраз. В темноте моей комнаты мне представилось, что я вижу снова тяжелое серое лицо паралитика. Я натянул на голову одеяло и попытался думать про Рождество. Но серое лицо не оставляло меня. Оно шептало — и я понял, что оно хочет исповедоваться в чем-то. Я почувствовал, как моя душа улетает в какие-то манящие и порочные края; и там я снова обнаружил, что оно ждет меня. Тихим шепотом оно начало свою исповедь, и я удивлялся, почему оно улыбается все время и почему на его губах все время слюна. Но потом я вспомнил, что оно умерло от паралича, и почувствовал, как я сам тоже слабо улыбаюсь, как бы отпуская согрешившему в сиюминутности его грех.

Наутро после завтрака я пошел взглянуть на маленький домик на Грейт-Бритейн-стрит. Это была невзрачная лавочка, несущая неопределенную вывеску «Галантерея». Галантерею составляли в основном детские ботики и зонтики; и в обычные дни в витрине висело объявление «Перекрываем зонтики». Сейчас объявления не было видно, потому что окно витрины было закрыто ставнями. К дверному молотку привязан был креповый букет с траурной лентой. Две бедно одетые женщины и мальчишка — разносчик телеграмм читали табличку, приколотую на крепе. Я тоже подошел и прочел:

1 июля 1895 г.

Его Преподобие Джеймс Флинн,
бывший священник
церкви Святой Екатерины на Мит-стрит,
в возрасте 65 лет.
Да покоится в мире.

Чтение убедило меня, что он умер, и я почувствовал беспокойство, будто натолкнувшись на неожиданное препятствие. Если бы он не умер, я прошел бы в полутемную комнатку за помещениями лавки, в глубине дома, и увидел бы его в большом кресле у камина, всего с головой укутанным в его просторный плащ. Может быть, тетя прислала бы ему со мной пачку табака, и этот подарок вывел бы его из оцепенелой дремы. Я всегда сам пересыпал табак в его черную табакерку, потому что руки у него так тряслись, что он непременно рассыпал бы половину на пол. Даже когда он подносил к носу свою большую трясущую руку, крохотные облачка дыма сеялись у него между пальцев на лацканы. Может быть, именно из-за этих постоянных посыпаний табаком его старомодное священническое одеяние приняло такой выцветший и позеленевший вид, потому что его красный платок, который от понюшек за неделю всегда успевал почернеть, был совершенно бесполезен, когда он пытался им смахивать крошки табака.

Мне хотелось войти и взглянуть на него, но у меня не хватало решимости постучать. Я медленно пошел прочь по солнечной стороне, читая по пути все театральные афиши в витринах магазинов. Мне странно было, что ни я, ни день не были в траурном настроении, и я даже рассердился, когда обнаружил у себя какое-то ощущение свободы, как будто эта его смерть от чего-то освободила меня. Меня это удивляло, потому что он в самом деле, как сказал дядя в прошлый вечер, многому меня научил. Сам он учился в Ирландском колледже в Риме, и он научил меня правильному произношению по-латыни. Он мне рассказывал истории про катакомбы и про Наполеона Бонапарта, объяснял смысл разных обрядов во вре-

мя мессы и разных облачений священников. Иногда он немного развлекался, задавая мне каверзные вопросы, что надо делать в таких-то или таких-то случаях или являются такие-то грехи смертными, или искупимыми, или просто знаками несовершенства. Его вопросы открывали мне, до чего сложны и таинственны даже те установления Церкви, которые на мой взгляд были наипростейшими. Обеты священника по отношению к Евхаристии и к тайне исповеди мне казались настолько ответственны, что я поражался, как вообще у кого-то хватало храбрости их принять; и мне не было странно услышать от него, что для разъяснения всех этих запутанных вопросов Отцы Церкви написали книги толщиной с полный адрес-календарь и такой мелкой печати, как судебные объявления в газете. Нередко я, сколько ни думал, не мог сам найти ответ, кроме какого-нибудь глупого или совсем неуверенного, и он в таких случаях улыбался и кивал головой несколько раз. Иногда он проверял меня по текстам мессы, которые заставил выучить наизусть; и когда я барабанил их, он задумчиво улыбался и кивал головой, время от времени закладывая большие понюшки табаку в каждую из ноздрей по очереди. Когда он улыбался, у него открывались крупные бесцветные зубы, а язык ложился на нижнюю губу, и эта манера в начале знакомства меня стесняла, пока я не узнал его хорошо.

Пока я так шел по солнцу, я вспоминал слова старого Коттера и еще пытался вспомнить, что случилось потом во сне. Вспомнилось, что я видел длинные бархатные занавеси и лампу старинной формы, которая висела и качалась. Я чувствовал, что я где-то в дальних краях, в какой-то стране, может быть в Персии, с незнакомыми странными обычаями... Но конец сна я вспомнить никак не мог.

Вечером тетя отправилась с визитом в дом траура и взяла меня с собой. Солнце уже зашло, но в стеклах окон, что выходили на запад, отражалась багряным золотом огромная гряда облаков. Нэнни встретила нас в прихожей; и, поскольку кричать, чтобы она расслышала, сейчас было неуместно, тетя просто пожала ей руку. Старушка вопросительно показала наверх и после утвердительного тетиного кивка стала взбираться впереди нас по узкой лестнице, и ее склоненная голова при этом была разве что малость выше перил. На первой площадке она остановилась и знаком пригласила нас войти в открытую дверь комнаты, где был покойник. Тетя вошла, и старушка, видя, что я заколебался, вновь сделала мне знак рукой.

Я вошел на цыпочках. Через нижнюю бахрому занавесок всю комнату заливал багряно-золотой свет, в котором свечки казались тонкими языками бледного пламени. Он был положен во гроб. Нэнни подала пример, и мы все трое стали на колени в ногах ложа. Я делал вид, что молюсь, однако не мог собрать мыслей, бормотание старушки отвлекало меня. Я заметил, что ее юбка очень неуклюже заколота на спине, а подошвы суконных домашних туфель совсем стоптаны, обе на один бок. Пришла нелепая мысль, что старый священник улыбается, лежа там в гробу.

Но нет. Когда мы поднялись и подошли к изголовью ложа, я увидел, что он не улыбался. Он лежал обширный, торжественный, одетый как для службы у алтаря, и крупные руки придерживали чашу. Лицо было гневным, серым, массивным, с черными пещерами ноздрей, обрамленное скудной седой щетиной. Стоял тяжелый запах в комнате — от цветов.

Мы перекрестились и вышли. В нижней комнатке мы нашли Элизу восседающей в его кресле. Я пробрался к своему обычному сиденью в углу, а Нэнни извлекла из буфета графин с шерри и несколько винных рюмок. Поставив все на стол, она предложила нам выпить по рюмочке шерри. Затем, по знаку сестры, разлила шерри и подвинула нам рюмки. Она уговаривала меня взять также хрустящего печенья, но я отказался, опасаясь, что буду слишком громко хрустеть им. Мой отказ ее как будто немного огорчил; она тихо отошла к дивану и уселась на него за спиной сестры. Никто ничего не говорил; мы все смотрели в пустой очаг.

Тетя выждала, пока Элиза вздохнет, и тогда сказала:

— Что же, он отошел в лучший мир.

Элиза снова вздохнула и наклонила голову в знак согласия. Тетя погладила ножку своей рюмки, прежде чем отпить немного.

— А это свершилось... мирно? — спросила она.

— О, совсем мирно, мэм, — ответила Элиза. — Нельзя было даже заметить, когда был последний вздох. Бог ему послал прекрасную кончину.

— А все должное...?

— Во вторник приходил отец О'Рурк и совершил соборование и все приуготовления.

— Значит, он знал?

— Он был совершенно отрешенным.

— Он выглядит совершенно отрешенным, — сказала тетя.

— Вот именно это сказала женщина, которая приходила его обмыть. Она сказала, что он выглядит так, словно он заснул, он выглядел таким мирным и отрешенным. Никто не подумал бы, что он будет таким красивым покойником.

— Это верно, — сказала тетя.

Она сделала из своей рюмки еще маленький глоток и сказала:

— Что же, мисс Флинн, для вас, по крайней мере, должно быть большое утешение, что вы делали для него все возможное. Я должна сказать, вы обе были настолько добры к нему.

Элиза расправила платье на коленях.

— О, бедный Джеймс! — сказала она. — Видит Бог, как мы ни бедны, мы делали всё — мы просто не могли допустить, чтобы он в чем-нибудь нуждался, пока он был тут.

Нэнни склонила голову на подушку дивана; казалось, что она засыпает.

— Бедняжка Нэнни, — сказала Элиза, взглянув на нее, — она совсем на пределе. Все эти дела, которые на нас свалились, найти женщину, чтобы его обмыть, потом убрать его, потом положить в гроб, договориться насчет заупокойной службы в часовне. Если бы не отец О'Рурк, я просто не знаю, что бы мы делали. Это он нам принес все цветы и два подсвечника из часовни, и дал объявление в «Фрименс джорнел», и взял на себя все хлопоты насчет кладбища и насчет страховки бедного Джеймса.

— Ведь как это любезно, правда? — сказала тетя.

Элиза закрыла глаза и медленно покачала головой.

— Самое надежное — это старые друзья, — сказала она. — В конечном итоге покойнику только на них можно и рассчитывать.

— Это верно сказано, — согласилась тетя. — И я верю, что теперь, когда он в небесной обители, он не забудет вас и всю вашу доброту к нему.

— О, бедный Джеймс, — повторила Элиза. — Он не доставлял нам много хлопот. Его было слышно

в доме немногим больше, чем сейчас. Я просто знаю, что он ушел, а если б не это...

— Когда все закончится, тогда вы и почувствуете, как вам недостает его, — сказала тетя.

— Я знаю это, — сказала Элиза. — Больше уж я не буду ему приносить его чашку бульона, а вы, мэм, уже не пришлете табачку. О, бедный Джеймс!

Она остановилась, словно погрузясь в прошлое, и потом сказала как бы с хитринкой:

— Вы знаете, а я в последнее время заметила, с ним что-то странное творится. Как ни принесу ему этот суп, так вижу каждый раз, он в кресле лежит откинувшись, рот открыт и молитвенник валяется на полу.

Она приложила палец к носу и нахмурилась — а потом продолжала:

— Но как бы там ни было, он без конца говорил, что в это лето он непременно в какой-нибудь погожий денек поедет взглянуть на наш старый дом, где все мы родились в Айриштауне, и прихватит меня и Нэнни с собой. Если бы только вышло нанять этаким экипаж, какие сейчас придумали, отец О'Рурк про них говорил, на ревматических шинах, совсем без шума, как-нибудь подешевей, на день, — он говорил, они тут напротив, у Джонни Раша, — то и отправились бы мы все втроем, вечером в воскресенье. У него это крепко засело в голове... Бедный Джеймс!

— Да помилует Господь его душу, — сказала тетя.

Элиза достала платок и вытерла им глаза. Спрятав платок обратно, она некоторое время молча смотрела в пустой очаг.

— Он был всегда слишком щепетильный, — сказала она. — Обеты, весь долг священника, это для него было свыше сил. И в жизни-то ему выпал, можно сказать, тяжкий крест.

— Да, — сказала тетя, — он был человек разуверившийся. По нему это было видно.

В комнатке воцарилось молчание, и под его покровом я подошел к столу, попробовал шерри из своей рюмки и вернулся на свое место в углу. Элиза, казалось, впала в глубокую задумчивость. Мы почтительно ждали, чтобы она сама прервала молчание, и после долгой паузы она медленно произнесла:

— Когда он разбил эту чашу... С этого все и началось. Конечно, все сказали, что это ничего, я хочу сказать, потому что чаша была пустая. Но все равно... Сказали, что это прислужник виноват. Но Джеймс, бедный, у него были такие нервы, пошли ему Господь свою милость!

— Так дело вот в этом было? — спросила тетя. — Я-то слышала...

Элиза кивнула.

— Это повлияло на его разум, — сказала она. — Он начал впадать в тоску, ни с кем не разговаривал и бродил один. И вот, однажды ночью пришли, и надо было ему идти на требу, а его нигде не могли найти. Искали везде, сверху донизу, и нигде его не было ни слуху ни духу. И тогда причетник предложил посмотреть в часовне. Взяли ключи, открыли часовню, и этот причетник, отец О'Рурк и еще один священник, зажегши свечки, принялись его там искать... И что вы думаете, он сидит там в своей исповедальне, в полной тьме, глаза широко раскрыты и будто тихо смеется сам с собой!

Она внезапно остановилась, словно прислушиваясь. Я тоже прислушался, но в доме не раздавалось ни звука — и я знал, что старый священник лежит безмолвно в своем гробу, как мы видели его, торжественный и гневный во смерти, и на его груди — праздная чаша.

Элиза закончила:

— Глаза раскрыты и будто смеется сам с собой... Ну, когда они это увидели, у них, конечно, возникла мысль, что с ним что-то произошло неладное...

ВСТРЕЧА

С Диким Западом нас познакомил Джо Диллон. У него имелась библиотечка из старых номеров «Британского флага», «Отваги» и «Бесплатного чуда». Каждый вечер после школы мы сходились в садике за его домом и устраивали игры в индейцев. Он и младший брат его Лео, толстый лодырь, укреплялись в конюшне на сеновале, и мы штурмовали их позицию; а иногда сражение проходило на особо выбранном поле. Но как бы мы отлично ни бились, ни одной битвы или осады мы выиграть не могли, и любая наша война завершалась победной пляской Джо Диллона. Его родители каждое утро ходили к ранней мессе на Гардинер-стрит, и в прихожей их дома царили мирные запахи миссис Диллон. Но он слишком яро отдавался игре; мы были и помладше, и потише его. Он и взаправду выглядел как индеец, когда носился по саду, нацепив на голову покрывку на чайник, колотя в тазик и завывая:

— Ийя! Йяка-йяка-йяка!

Никому не верилось, когда стало известно, что он готовится в священники. Но это была правда.

Дух буйства и непокорности вселился в нас, стирая различия воспитания и характера. Мы сбились в одну ватагу, примкнув к ней — кто из дерзости, кто как бы в шутку, а кто и почти из страха; и среди этих индейцев поневоле, которые просто побоялись про-

слыть неженками или зубрилами, был и я. Приключения, что описывались в книжках о Диком Западе, были чужды моей натуре, но они все-таки давали возможность куда-то вырваться. Больше мне нравились те американские детективы, в которых появлялись фигуры отчаянных и дерзких красавиц. Ничего дурного в этих детективных историях не было, некоторые даже были довольно литературны, но в школе их читали и передавали тайком. Однажды, когда отец Батлер спрашивал четыре страницы из римской истории, пентюх Лео Диллон попался с номером «Бесплатного чуда».

— С этой или с этой страницы? С этой? Диллон, начинайте! *«Едва рассвет...»* Продолжайте же! Что рассвет? *«Едва рассвет осветил...»* Вы вообще учили урок? А что там у вас в кармане?

Сердца у всех замерли, когда Лео Диллон протянул учителю журнальчик, и все сделали невинные физиономии. Отец Батлер, нахмурясь, начал листать.

— Что это за мусор? — сказал он. — «Вождь апачей»? Вы это читаете вместо изучения римской истории? Чтобы это жалкое чтиво я больше не видел в нашем колледже! Тот, кто пишет подобное, я уверен, — жалкий тип, зарабатывающий себе на выпивку. Я удивляюсь, что вы, образованные мальчики, читаете эту гадость. Я еще понял бы, если б вы были эти... из государственных школ. Ладно, Диллон. Я вам очень советую взяться за работу — иначе...

В строгие школьные часы этот выговор сильно охлаждал мое увлечение Диким Западом; пухлое растерянное лицо Лео Диллона будило во мне угрызения какой-то совести. Но стоило мне удалиться из радиуса школьной дисциплины, как вновь возникала жажда ярких ощущений, жажда вырваться, кото-

рую удовлетворяли, казалось, одни лишь эти хроники вольной жизни. Вечерние имитации войн надоели мне наконец не меньше утренней рутины уроков, и я хотел настоящих приключений. Но, как мне думалось, настоящие приключения не происходят с теми, кто сидит дома, за ними отправляются за границу.

С приближением летних каникул я настроился хотя бы на один день вырваться из томительной школьной жизни. С Лео Диллоном и еще с одним мальчиком по фамилии Мэхони мы наметили сбежать из школы на день. Каждый из нас скопил по шесть пенсов, и мы сговорились встретиться в десять утра у моста Кэнел-бридж. Старшая сестра Мэхони должна была ему написать записку в школу, а Лео Диллон собирался передать через брата, что заболел. У нас был план дойти по Уорф-роуд до самого порта, там переехать на пароме и прогуляться до Голубятни. Лео Диллон заопасался, что мы встретим отца Батлера или еще кого-то из колледжа, но Мэхони очень резонно спросил, с какой стати отец Батлер отправится к Голубятне. Мы успокоились, и я завершил первую стадию предприятия, собрав с компаньонов по шесть пенсов и показав им мой собственный шестипенсовик. Когда мы окончательно договаривались накануне, мы были все как-то смутно возбуждены. Со смехом мы пожали руки друг другу, и Мэхони сказал:

— До завтра, дружки.

Я плохо спал в ту ночь и наутро пришел первый к мосту, потому что жил ближе всех. Я схоронил ранец в высокой траве, недалеко от ямы с золой в конце сада, куда никто не заходил никогда, и поспешил берегом канала. Было приветливое солнечное утро

в начале июня. Я уселся на парапете моста, довольно посматривая на свои легкие парусиновые туфли, которые с вечера набелил усердно, и глядя, как послушные лошади тянут в гору вагон, полный конторских служащих. Ветки высоких деревьев вдоль аллеи были все уже в веселой ярко-зеленой листве, сквозь которую к воде пробивались лучи солнца. Гранит моста начинал уже нагреваться, и в такт мотивчику у меня в голове я стал прихлопывать по нему ладонями. Мне было очень хорошо.

Когда так прошло минут пять или десять, я увидел, как подходит Мэхони в сером костюмчике. Он поднялся по холму улыбаясь и взобрался рядом со мной на парапет. Пока мы ждали, он вытащил рогатку, которая у него оттопыривалась из внутреннего кармана, и объяснил, какие он сделал в ней улучшения. Я спросил, зачем он ее взял, и он ответил, взял, чтобы поддать газу птицам. Он часто употреблял всякие блатные словечки, а отца Батлера называл Старый Бляхер. Мы ждали так еще с четверть часа, а Лео Диллон все не показывался. Наконец Мэхони спрыгнул с парапета и заявил:

— Потрюхали. Я так и знал, что Жиртрест сдрейфит.

— А его шесть пенсов... — сказал я.

— Проигранный фант, — заявил Мэхони. — А нам только лучше — не бобик, а полтора бобика.

Мы отправились по Северной Стрэнд-роуд, дошли до купоросной фабрики и повернули направо по Уорф-роуд. Там не было никаких взрослых, и Мэхони тут же стал индейцем. Он разогнал стайку приютских девчонок, прицеливаясь в них из пустой рогатки, а когда, проявляя рыцарство, два приютских мальчика начали в нас швыряться камнями, он ска-

зал, что мы их должны атаковать. Я возразил, что они еще слишком малышня, и мы пошли дальше, а приютское войско вопило нам вслед: *Эй, пеленальщики!* решив, что мы протестанты, потому что Мэхони был темнолицый и на кепке носил значок крикетного клуба. Дойдя до Утюга, мы попробовали устроить осаду крепости, но у нас не вышло, потому что надо не меньше троих. Мы отыгрывались на Лео Диллоне, ругая его, что он сдрейфил, и обсуждая, сколько горяченьких ему всыплет мистер Райен в три часа.

Вскоре мы приблизились к реке. Мы долго ходили по шумным портовым улицам с высокими каменными стенами по бокам, смотрели, как работают краны и другие машины, и возчики на громыхающих ломовых подводах то и дело покрикивали на нас, что мы там торчим. В полдень мы подошли к набережным и, видя, что все работяги вокруг принялись за завтрак, мы купили по большой булочке с изюмом и стали подкрепляться, усевшись на какие-то трубы у реки. Нам нравилось смотреть на окружавшую предприимчивую жизнь — на баржи, о которых издали возвещали клубы дыма, похожие на вату, рыбацкие суденышки, темневшие за Рингсендом, большой белый парусник, что разгружался у противоположного берега. Мэхони сказал, вот было бы классно удрать в море на одной из этих здоровенных посудин, и, глядя на высокие мачты, даже я представлял себе, как эта самая география, которую в школе давали в убогих дозах, оживает у меня на глазах. И школа, и дом словно отодвинулись куда-то, и мы освожились от их влияния.

Заплатив нашу лепту за перевоз, мы переправились через Лиффи на пароме, в компании двух рабочих и маленького еврея с мешком. У нас был вид

очень серьезный, почти торжественный, но в какой-то момент нашей недолгой переправы мы встретились глазами и тут же расхохотались. Сойдя с парома, мы посмотрели, как разгружают красивый трехмачтовый парусник, который мы видели с того берега. Кто-то сказал, что это норвежское судно. Я подошел к корме и попробовал прочесть надпись, но не сумел и, вернувшись на место, стал разглядывать иностранных моряков, чтобы увидеть, есть ли среди них хоть один с зелеными глазами, потому что я как-то смутно считал... Глаза у них были синие, серые, даже черные. Единственный матрос, у кого глаза можно было бы назвать зелеными, был высокий парень, смешивший толпу на пристани тем, что, когда доски падали, он каждый раз кричал бодро:

— Порядок! Порядок!

Когда мы устали так глазеть, мы медленно побрели к Рингсенду. День становился душным, и в витринах бакалейщиков пряники и печенье лежали заплесневелые и выцветшие. Мы купили себе шоколаду и пряников и старательно поглощали их, бродя по бедным и грязным улочкам, где обитали семейства рыбаков. Молочной нам не попалось, и поэтому мы зашли в мелочную лавочку и взяли там по бутылке малинового сидра. Освежившись и ободрившись, Мэхони стал гонять по переулку кота, но тот скоро улизнул в поле. Мы оба были уже усталыми и, выйдя на поле, направились сразу к пологому откосу, где сверху был виден Доддер.

Было слишком поздно и мы слишком устали уже, чтобы исполнять наш план прогулки до Голубятни. Домой надо было вернуться не позже четырех, иначе наше приключение было бы раскрыто. Мэхони грустно смотрел на свою рогатку, и мне пришлось

предложить вернуться домой на поезде, чтобы он снова приободрился. Солнце зашло за какие-то тучки, оставив нас с нашими вялыми мыслями и маленькими крохами запасов.

Кроме нас, в поле никого не было. Когда мы уже побыли там какое-то время, лежа на откосе без разговоров, я увидел, как с другого конца приближается человек. Я глядел на него лениво и жевал травинку, одну из таких, на которых девочки загадывают желания. Он медленно двигался вдоль откоса; одну руку он положил на бедро, а в другой была палка, которой он легко постукивал по земле. Он был в поношенном костюме, черновато-зеленоватом, и в шляпе с высоким верхом, мы такие называли ночными горшками. На вид он казался довольно стар, потому что у него были пепельно-седые усы. Когда он проходил мимо наших ног, он мельком глянул на нас и продолжал путь. Мы провожали его глазами и увидели, что, отойдя шагов на пятьдесят, он развернулся и пошел по своим следам обратно. Он двигался к нам очень медленно, все время постукивая по земле палкой, до того медленно, что я подумал, не ищет ли он в траве что-нибудь.

Поравнявшись с нами, он остановился и поздоровался. Мы ответили, и он уселся на склоне рядом с нами, очень медленно и осмотрительно. Он начал говорить о погоде, сказав, что лето будет очень жарким, и потом добавив, что все времена года сильно изменились со времени его детства — такого давнего времени. Он сказал, что лучшее время в жизни каждого — это, совершенно бесспорно, школьные дни, и он все бы отдал за то, чтобы быть снова молодым. Пока он выражал эти чувства, нам было немного скучно и мы молчали. Потом он заговорил о школе

и о книгах. Он спросил, читали ли мы стихи Томаса Мура или романы сэра Вальтера Скотта и лорда Литтона. Я делал вид, что читал все книги, которые он упоминал, так что под конец он сказал:

— Ну, я вижу, ты такой же книжный червь, как я сам. А он вот, — продолжал он, показывая на Мэхони, который смотрел на нас широко раскрытыми глазами, — он не такой. Его больше игры интересуют.

Он сказал, что у него дома все книги сэра Вальтера Скотта и все книги лорда Литтона и ему никогда не надоедает их читать. «Конечно, — сказал он, — есть некоторые книги лорда Литтона, которые мальчикам нельзя читать». Мэхони спросил, а почему это мальчикам нельзя, и этот вопрос меня возбудил и расстроил, я испугался, что он решит, я такой же глупый, как Мэхони. Но этот человек только улыбнулся, и я увидел, что у него зубы желтые и редкие, с большими промежутками между ними. Потом он спросил, у кого из нас было больше симпатий. Мэхони тут же отвечал, что у него было три милашки. Человек спросил, а сколько у меня было, и я сказал, ни одной. Он мне не поверил и сказал, что он уверен, уж одна-то была. Я промолчал.

— Скажите-ка, — нахально спросил его Мэхони, — а у вас-то у самого сколько было?

Человек улыбнулся, как и в первый раз, и сказал, что в нашем возрасте у него было множество девочек.

— У каждого мальчика, — сказал он, — есть непременно своя симпатия.

Его отношение к этим вещам мне показалось каким-то слишком вольным для его возраста. Втайне я думал, что это, в общем, были правильные слова, про мальчиков и про симпатии. Но из его уст эти слова мне не нравились, и я удивлялся, почему он

ни с того ни с сего раза два вздрогнул, как если бы испугался чего-то или вдруг продрог. Когда он опять заговорил, я заметил, что у него культурный выговор. Он начал нам говорить про девочек, какие у них чудесные мягкие волосы и мягкие руки и что на поверку все девочки вовсе не такие хорошие, как кажутся. Ничто он так не любил, сказал он, как смотреть на какую-нибудь милую девушку, на ее мягкие прекрасные волосы, на милые, такие белые ручки. У меня было впечатление, что он повторяет что-то заученное или же заводится от слов своей речи и что ум его как-то медленно кружит по той же орбите. Иногда он говорил, словно намекая на что-то, что все и так знают, а иногда понижал таинственно голос и говорил так, словно не хочет, чтоб нас подслушали. Он повторял те же фразы снова и снова, слегка их изменяя, будто окутывая их своим монотонным голосом. Я слушал его, продолжая смотреть по откосу вниз.

После порядочного времени его монолог наконец остановился. Он медленно встал и сказал, что должен покинуть нас на минуту или на пару минут. Не меняя направления взгляда, я видел, как он медленно удаляется от нас в сторону ближнего края поля. После его ухода мы молчали, но через несколько минут я услышал, как Мэхони восклицает:

— Ну, дела! Гляди, чего он делает!

Я не ответил и не поднял глаз, и Мэхони опять воскликнул:

— Ну, дела... Вот это так чудила старей!

— Если он спросит, как нас зовут, — сказал я, — давай, ты будешь Мэрфи, а я Смит.

Больше ни он, ни я не сказали ничего. Я все раздумывал, уходить мне или нет, когда человек вернул-

ся и снова уселся рядом с нами. Едва он успел сесть, как Мэхони, завидев того самого кота, что удрал от него, вскочил и помчался за ним по полю. Тот человек и я наблюдали за погоней. Кот опять удрал, и Мэхони принялся швырять камни за ограду, через которую он пробрался. Потом, бросив это занятие, он стал бесцельно бродить по дальнему краю поля.

После паузы человек начал говорить со мной. Он сказал, что мой товарищ — очень грубый мальчик, и спросил, часто ли его дерут в школе. Я хотел с возмущением сказать, что мы не из государственной школы, чтобы нас драли, как он это называет, но я промолчал. Он начал говорить про то, как наказывают мальчиков. Как если бы его речь снова заводила его, его ум снова начал медленно кружить вокруг своего нового центра. Он сказал, что, когда мальчики бывают такие, то их надо драть, и драть как следует. Если мальчик дерзок и груб, ему может помочь только славная хорошая порка. Линейкой по рукам или же крутить ухо — это бесполезно: то, что ему надо, это получить отличную горяченькую порку. Меня удивили такие выражения, и я невольно глянул ему в лицо. Я увидел, что из-под лба, как бы дергающегося от тика, на меня уставилась неподвижно пара бутылочно-зеленых глаз. Я быстро опустил глаза.

Человек продолжал свой монолог. Он как будто бы позабыл о своих прежних вольностях. Он сказал, что в любой момент, когда он бы обнаружил, что мальчик ухаживает за девочками или же у него есть среди девочек своя симпатия, он тут же бы начал драть и драть его, и это бы научило мальчишку не гулять с девочками. Но если у мальчика есть симпатия, а он лжет и не сознается, то вот такому он бы задал порку, какой никогда не доставалось ни одно-

му мальчику в мире. Он сказал, что ему бы это понравилось больше всего на свете. Он описывал мне, как он порол бы такого мальчика, словно открывал какие-то сложные таинственные обряды. Для него это было бы такое удовольствие, сказал он, которого ни с чем не сравнить; и голос его, пока он монотонно развертывал передо мной обряд, становился почти что нежным и словно умолял меня о сочувствии и понимании.

Я ждал, чтобы его монолог снова остановился. Дождавшись, я сразу встал. Чтобы не выдать своего волнения, я помедлил несколько мгновений, притворяясь, что поправляю ботинок на ноге, и затем попрощался с ним, сказав, что мне надо идти. Я поднялся по откосу спокойно, но сердце у меня очень колотилось от страха, что он сзади схватит меня за лодыжки. Достигнув гребня откоса, я повернулся и, не смотря в его сторону, громко закричал через поле:
— Эй, Мэрфи!

Было явно что-то деланное в моем храбром тоне, и мне стало стыдно моей жалкой военной хитрости. Мне пришлось позвать еще раз, прежде чем Мэхони заметил меня и отозвался ответным криком. Как билось мое сердце, когда он со всех ног пустился ко мне через поле! Он мчался, словно спешил на помощь. И я ощутил раскаяние — ибо в глубине души я всегда его презирал немного.

АРАВИЯ

Северная Ричмонд-стрит оканчивалась тупиком и поэтому была тихой улицей, за исключением часа, когда из школы Братьев-Христиан расходились уче-

СОДЕРЖАНИЕ

СЕСТРЫ	5
ВСТРЕЧА	16
АРАВИА	26
ЭВЕЛИН	34
ПОСЛЕ ГОНОК	40
ДВА КАВАЛЕРА	49
ПАНСИОН	62
ОБЛАЧКО	72
ВЗАИМНЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ	90
ЗЕМЛЯ	104
ПЕЧАЛЬНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ	113
ДЕНЬ ПЛЮЩА В ЗАЛЕ ЗАСЕДАНИЙ	125
МАТЬ	146
МИЛОСТЬ БОЖИЯ	162
МЕРТВЫЕ	193
Комментарии. <i>С. Хоружий</i>	252

Джойс Дж.

Д 42 Дублинцы : рассказы / Джеймс Джойс ; пер. с англ. С. Хоружего. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 288 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-10617-8

Джеймс Джойс — классик англо-ирландской литературы, оказавший колоссальное влияние на прозу XX века. В историю мировой литературы он вошел как автор романа «Улисс», ставшего «евангелием» модернизма и положившего начало литературе «потока сознания».

Сборник психологически тонких новелл «Дублинцы» — первое зрелое произведение Джойса. «Моим намерением, — писал Джойс, — было написать главу из духовной истории моей страны, и я выбрал местом действия Дублин, поскольку, с моей точки зрения, именно этот город является центром паралича». Паралич для Джойса — это символ ненавистных ему пороков современной ирландской жизни: косности, низкопоклонства, коррупции, культурной отсталости и бездуховности. Значение «Дублинцев» выходит за рамки творчества Джойса. Это первое реалистическое произведение ирландской литературы XX века и новый этап в развитии европейской новеллистики, не менее важный, чем чеховская проза.

В настоящем издании сборник рассказов публикуется в лучшем на сегодняшний день переводе С. Хоружего с подробными комментариями.

УДК 821.111
ББК 84(4Ирл)-44

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС ДЖОЙС
ДУБЛИНЦЫ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Нины Шабуниной
Корректор Маргарита Ахметова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 25.07.2018. Формат издания 75 × 100¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 12,69.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93
www.oaompk.ru, www.oaompk.rф
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-18646-03-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/